

Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля

Михаил Маяцкий

Доктор философии, научный сотрудник Лозаннского университета и школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

E-mail: mmaiatsky@gmail.com.

Ключевые слова: акрасия; безусловное пособие; безработица; труд; свободная деятельность.

Русская «Википедия» назвала его *безусловным основным доходом*, но в литературе словоупотребление, кажется, еще не устоялось, да и в русскоязычных общественных дебатах черед этой темы еще явно не настал. В развитых же странах тема безусловного основного (иначе — экзистенциального, гражданского, базового, солидарного) дохода, или пособия (мы будем называть его впредь *безусловным пособием* или просто *пособием*), обсуждается уже давно, по меньшей мере со времен французской революции, когда будущий крестный отец американской нации Томас Пейн

Статья подходит к анализу безусловного основного дохода, или пособия, с точки зрения феномена *акрасии* (греч. *akratia/akrateia*, лат. *incontinentia*), который, начиная по меньшей мере с софистов, привлекает внимание философов и моралистов. С акратическим поведением мы имеем дело в тех случаях, когда человек знает (или информирован) о том, что определенное действие в данной ситуации предпочтительно, и тем не менее совершает противоположное (или другое). За две с лишним тысячи лет ситуация изменилась; например, диверсифицировался смысл «блага». Автор подходит к безусловному пособию социально-психологически, задавая вопросы: как бенефициар пособия его воспримет? как истолкует ожидания, предъявляемые ему обществом взамен на пособие?

Есть две основные теоретические версии безусловного пособия: 1) от бе-

нефициара эксплицитно ожидается некое позитивное, или конструктивное, поведение; 2) подчеркивается *безусловный* характер пособия, которое не является ни наградой, ни авансом. В первом случае велик соблазн акрасии, во втором — имплицитно подразумевается одно условие, которое и делает всю затею утопичной: свободная деятельность не должна ни под каким предлогом иметь в качестве цели или горизонта капиталистические отношения (Андре Горц). Автор предполагает, однако, что труд по-прежнему является «поставщиком смысла» для миллионов людей, а капитализируемые умения и навыки еще во многом пересекаются с тем, которые вменяются «свободной деятельности». Многие из этих миллионов окажутся невооруженными перед резким переходом от труда к деятельности, который снабдит их лишь аттестатом социальной незрелости.

провозгласил принцип «без дохода нет гражданина». В XX веке вопрос о безусловном пособии ставился и политиками, и экономистами, и активистами¹. В особо процветающих странах он может стать и предметом референдума — инициатива такого рода собрала в Швейцарии достаточное число голосов. Швейцарское

1. См.: Дрешер Й. и др. Идея освобождающего безусловного основного дохода. Киев: Центр А.В.С., 2007; Bresson Y. Le revenu d'existence ou la métamorphose de l'être social. P: L'esprit frappeur, 2000; Arguing for basic income: ethical foundations for a radical reform/Ph. Van Parijs (ed.). L.; N.Y.: Verso, 1992; Van Parijs Ph. Peut-on justifier une allocation universelle? Une relecture de quelques théories de la justice économique // Futuribles. Juin 1990. № 144. P. 29–42; Vanderborght Y., Van Parijs Ph. L'allocation universelle. P: La Découverte, 2005; Raventós D. Basic income: the material conditions of freedom. L.; Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2007; Ferry J.-M. L'allocation universelle: pour un revenu de citoyenneté. P: Cerf, 1995; Vers un revenu inconditionnel? P: La Découverte, 1996 (La revue du MAUSS. 1996. № 7); Müller Ch., Straub D. Die Befreiung der Schweiz: über das bedingungslose Grundeinkommen. Zürich: Limmat, 2012; BIEN Suisse. Le financement d'un revenu de base inconditionnel. Zurich: Seismo, 2010. См. также фильм Энно Шмидта и Даниеля Хэни «Безусловный основной доход» (*Grundeinkommen — ein Kulturimpuls*) 2008 года: <https://youtu.be/ExRs75isitw>.

правительство уже посоветовало своим гражданам высказаться против его введения, ведь отрывать труд от вознаграждения — это безнравственно. Здесь не любят беситься с жиру, а уж тем более демонстрировать это *urbi et orbi*. Но проблема осталась, и тема тоже.

Тема эта, надо признаться, одна из наименее приятнейших. В эсхатологическом и, прямо скажем, катастрофическом горизонте, в котором наша планета оказалась в начале XXI века, сама тема безусловного пособия звучит как неслыханное обещание и сияет как уже неожиданный луч света в сгустившейся было навсегда тьме. Замена человека машиной, неуклонный рост производительности, нестабильность рынков на фоне экологического, энергетического и прочих геополитических кризисов — все это ставит любого и каждого в неустойчивую, прекарную трудовую ситуацию, что входит в прямой конфликт с тем привилегированным местом, которое по-прежнему занимает труд в символической системе нашей цивилизации. Между тем ситуация найма, зарплатные отношения все меньше соответствуют реальностям производства и потребления, всей организации социума. Будучи сформированы в разгар классической индустриальной эпохи, они плохо отражают ситуацию уменьшения абсолютной численности и относительной доли рабочего класса, рождения и расцвета индустрии услуг, банализации временных контрактов и фриланса, увеличения сегмента высокотехнологичных благ (так называемых *high-value-added goods*).

Идеология труда и идущий с ней рука об руку меритократизм образуют лишь грандиозный фасад, плохо скрывающий зияющие проблемы нынешнего, а еще больше завтрашнего мира. Самое время готовиться и готовить общество к масштабному преобразованию — к переходу от труда к деятельности. И вопрос о пособии чрезвычайно важен именно в этой связи. Однако и в развитых западных обществах осознание этих проблем отстает от собственно развития: дискурс практически всех политических партий демонстрирует все углубляющийся разрыв между реальным процессом и идеями, застрявшими в золотом веке бурного послевоенного промышленного роста и традиционных ценностей труда, которые вменяют чувство вины все большему числу сограждан. Ибо благодаря росту производительности (или из-за него) общество нуждается во все меньшем объеме человеческого труда и поэтому все менее способно обеспечить всех граждан работой. Экономика преследует одну цель: максимум прибыли при минимуме вложений, что совсем не то же

самое, что дать каждому оплачиваемую работу. Весьма красноречиво то сопротивление, с которым во Франции была встречена попытка ограничить рабочую неделю 35 рабочими часами: в ней умудрились увидеть причину общественных болезней, тогда как она была пусть робкой, противоречивой, но мерой по их излечению.

Уже нельзя и мечтать об установлении или сохранении общественной связи на столь шаткой основе, как религия труда: больше половины населения не включены в орбиту труда в его «традиционной», то есть индустриальной, форме. Утверждать, как делают некоторые, что речь идет о сознательном *выборе* граждан, означает вводить различие между «хорошими» и «плохими», «трудолюбивыми» и «ленивыми» и, таким образом, подрывать ту самую общественную связь. Как писал Андре Горц,

...для почти половины трудоспособного населения идеология труда стала дурной шуткой; отождествлять себя с трудом для них отныне невозможно, поскольку экономическая система более не нуждается — или не нуждается регулярно — в их рабочей силе².

Труд должен перестать быть той странной штукой, к которой принуждают и которой устаивают, которую возделают и от которой отлынивают, — одним словом, тем центральным для индустриального общества феноменом, который уже неадекватен модели общества, пришедшего ему на смену. Все большее число продуктов, изобретений, удобств, открытий обязаны своим существованием скорее свободному и творческому, нежели рабочему времени, для которого характерны монотонность, послушание, дисциплина и строго очерченные обязанности. Все бóльшая масса ценностей — от «Википедии» до семейного воспитания (роль которого отнюдь не снижается, но возрастает) — создается вне рамок труда по найму.

Напротив, современное производство все больше рассчитывает на конструирование работником самого себя, а именно на приобретение им навыков и «хитростей», которым не учат нигде и которыми, однако, работодатели интересуются все больше. Устаревание же технического знания стало таким быстрым, что образование не только среднее, но и высшее может дать лишь

2. Gorz A. Pourquoi la société salariale a besoin de nouveaux valets//Idem. Bâtir la civilisation du temps libre. P.: Les liens qui libèrent; Monde diplomatique, 2013. P. 27.

самый фундамент того здания знаний, которое человеку придется строить, уже не мечтая о «завершении», всю свою профессиональную жизнь.

Кстати, эпоха, когда учеба занимала лишь начальную стадию человеческой жизни, а затем сменялась работой, канула в прошлое. На человеческом пути (который в любом случае не сводим к *карьере*) труд все больше *чередуются* с учебой, в том числе и потому, что виды деятельности приходится менять: скорость умирания старых и рождения новых профессий также нарастает. Специализация, переквалификация, стажировки, система непрерывного образования (*continuing education*; «непрерывное» — сказано громко и по сути неверно, но именно этот термин, кажется, прижился в русском языке), сетевые курсы, самообразование всеми возможными способами, попытки освоения новых областей знания и умения (и не обязательно с прицелом на будущую смену профессии) — вот что все больше характеризует реальную экономику. Однако эти факторы еще далеки от подobaющего им признания, в том числе инвестиционного; они пока еще вырастают скорее в зазорах между устоявшимися неповоротливыми институтами, чем в их лоне. Фирмы вынуждены оплачивать до- или переобучение персонала, хотя предпочитают, конечно, пользоваться «бесплатными» навыками.

Размывается не только граница между учебой и работой. Грань между трудом и досугом также теряет четкость. Понятие «работа на полную ставку» меняет смысл. Сегодня работнику уже не приходит в голову толковать его как «от звонка до звонка». Он молчаливо принимает идею быть на связи 24 часа в сутки 7 дней в неделю. В обмен на эту чудовищную занятость он получает гибкость и пористость рабочего времени: возможность не только делать покупки (в магазине или в Сети), но и читать, общаться с друзьями через социальные сети, а также... искать новую работу. Сейчас это рассматривается уже не как измена, а, наоборот, как признак здорового честолюбия.

Обилие благ и услуг, предлагаемое обществом потребления, диктует увеличение времени на их потребление, что, по идее, должно толкать общество к сокращению рабочего времени в пользу досуга. Но в недавнем эссе³, вызвавшем широкий резонанс, антрополог Дэвид Грэбер констатирует, что, вместо того чтобы сократить рабочее время каждого до 3–4 часов в день,

3. Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs // Strike! Magazine. 17.08.2013. URL: <http://strikemag.org/bullshit-jobs/>.

предоставив ему время для свободы и развития (а материальные условия для этого уже налично), цивилизация предпочитает придумывать новые виды работы, по большей части «туфтовые» (*bullshit*), бесполезные или даже вредные для общества и разрушительные для достоинства и самооценки человека. Не нужно усугублять позицию Грэбера, чтобы осмелиться на утверждение, что интересам сообщества способствовало бы запрещение телефонного маркетинга, которое освободило бы тысячи индивидов, обреченных на эту идиотскую и унижительную работу, и дало бы им возможность искать другую деятельность или же, на худой конец, *ничего не делать*, если бы могло предоставить им — в виде безусловного пособия — минимальную покупательную способность, необходимую как для их проживания, так и для стимулирования экономики.

Но так ли это просто — ничего не делать? Здесь я хотел бы обсудить *мотивацию* бенефициаров пособия, тех, кого им одарят (или же обрекут на него; это нам и предстоит выяснить). Напомним главное: лишь часть творческого труда сегодня оплачивается. У экономики нет никаких резонов платить за него, поскольку он падает готовеньким в ее руки. Понятие рабочего дня уходит в прошлое. Рабочий день становится ненормированным. Люди остаются на работе после официального закрытия, берут задания на дом, должны быть в постоянном доступе. От работника ждут сегодня отнюдь не рутинного выполнения фиксированного функционала, а инициативы, изобретения новых обязанностей, открытия новых горизонтов для фирмы, ждут, что он, — разумеется, за рамками формализованных рабочих часов — сам себя образует, приобретет компетенции, нужные для этих новых задач. Базисная общественная модель, в основе которой лежит наемный труд, становится лицемерием. Отсюда идея некоего социального пособия, которое бы воздавало должное творческой составляющей, остающейся неоплаченной, и вознаграждало бы разные типы социального времени, а не только один из них.

Эта идея была еще более радикализирована требованием *безусловности* такого пособия: оно должно выдаваться безотносительно как к уже выполненному труду, так и к тому, который когда-нибудь должен быть выполнен. Оно должно побуждать к полноценной жизни, конкретное содержание которой определит сам человек. Иначе говоря, идею социального минимального пособия дополняет императив выдавать его не в форме вознаграждения и не в обмен на обещание заняться чем-то

общественно-полезным, а без всякого условия. Андре Горц многократно подчеркивал, что только безусловный характер пособия сможет сохранить свободу человеческой деятельности, весь смысл которой в том, чтобы выполнять ее ради ее самой.

Возникает вопрос, будет ли она выполняться ради нее и даже будет ли она выполняться вообще.

Теоретики безусловного пособия много обсуждают его источники и саму его природу. Должно ли оно быть разновидностью существующих выплат или же базисным доходом наряду с зарплатой и пенсией? Приводимые аргументы слишком техничны для моей скромной экономической компетенции. Не менее важно, на мой взгляд, попытаться представить, как пособие будет восприниматься заинтересованными лицами, а именно всем активным населением данной страны или области⁴. И здесь трудно абстрагироваться от вопроса: несмотря на провозглашенный безусловный характер пособия, *что именно*, в представлении бенефициаров, общество будет ожидать от них? Речь здесь не о фактическом ожидании, а о том, которое будет вменяться бенефициарами государственной или иной инстанции, распределяющей эту ренту. Эти вопросы не сводятся ни к проблеме природы пособия, ни к проблеме официального толкования (образа, идеологемы), которое этому неординарному пособию дают власти.

Сколь необычным и странным оно бы ни казалось, граждане вряд ли избегут искушения понять его по модели уже знакомых форм. Скорее всего, они увидят в нем либо 1) вознаграждение, либо 2) подачку. Иначе говоря, пособие, вероятно, породит либо 1) ощущение, что «государство наконец возвращает нам то, что должно», либо 2) убежденность, что «если государство нам его выплачивает, то это потому, что на самом деле оно нам должно гораздо больше». В обоих случаях трудно исключить риск, что пособие будет воспринято в перспективе не освобождения, а очередного порабощения. И можно представить себе, что реакция или даже сопротивление этой социальной мере примет различные формы, как активные (левые и правые будут критиковать его с разных позиций), так и пассивные — в виде усколь-

4. Более ограничительная версия безусловного пособия распространяет его только на *граждан*. Очевидно, что она несправедлива и неправомерна, учитывая количество иностранцев, легально или нелегально *работающих* в развитых странах (собственно, только в них пока вопрос о таком пособии и ставится).

зания от поведения, которое, хотим мы этого или нет, *ожидается* от бенефициаров.

Но что же это за ожидаемое поведение? Представление о нем у теоретиков безусловного пособия одновременно ясное и туманное. Оно должно способствовать развитию частного и вместе с тем, в силу этого, общего блага. Вряд ли предполагается, что бенефициары будут на эти деньги пуще прежнего предаваться наркотикам, табаку, алкоголю или даже просто безвредным, но «излишества́м». Думаю, не искажу мысль сторонников пособия, сказав, что они рассчитывают на социально и индивидуально позитивную отдачу. Но если общество рассчитывает на такой положительный социальный навар, оно должно включить в свой расчет и вероятную реакцию акторов-бенефициаров. Пытаясь угадать ее, нелишне вспомнить о феномене *акрасии* (от греч. *akratia* или *akrateia*), который привлекает человеческую мысль со времен самой древней задокументированной рефлексии⁵. На латинский она — не без семантических потерь и смещений — переводилась словом *incontinentia* («несдержанность») и означала человеческое, слишком-человеческое свойство знать, как нужно (необходимо, морально) действовать — и действовать совсем другим образом. Первая подробная дискуссия об этом феномене была предпринята в платоновском «Протагоре». Пока иные размышляли над тем, *как* возможна акрасия, Сократ с порога отрицал саму ее возможность. Его радикальный рационализм и состоял в отрицании того, что можно поступать вопреки своему знанию о благе и о наилучшем способе действия. Для Сократа, если индивид выбрал *B*, зная, что лучше всего было выбрать *A*, это произошло оттого, что на самом деле он не *знал*, что *A* был наилучшим выбором, то есть не *знал действительно*, заблуждался, полагая, будто знает. Другие мыслители и простые граждане не были такими непреклонными; они признавали, что им случалось быть свидетелями или исполнителями действий, которые можно описать как акратичные.

Споры разгорелись вокруг вопроса о том, какие акты могут считаться акратическими, а какие нет. Некоторые, например, отрицали, что акрасией диктуются мимолетные изменения мнения. Если человек знает, что лучше не воровать, но на короткое мгновение кражи убеждает себя в обратном, это не акратиче-

5. См.: *Akrasia in Greek Philosophy* // C. Bobonich, P. Destrée (eds). Leiden; Boston: Brill, 2007. См. также мою рецензию в: *Логос*. 2011. № 4 (83). С. 193–199.

ский акт. Если же кто-то знает, что есть торт с кремом вредно, и поглощает его, это акрatically. Но если перед тарелкой с тортом он говорит себе: «Нет, лучше съесть торт» (по какой бы то ни было причине) — и ест его, а съев, раскаивается и принимает прежнюю позицию, то это поведение не акрatically. Другие же полагают, что это различие не важно, поскольку определенные перемены мнения всегда имеют место, будь то в виде нового кредо или новой стратегии поведения. Третьи отвергают его по другой причине: они не считают, что в таких случаях происходит смена мнения; на их взгляд, индивид продолжает верить в правильность общего правила даже тогда, когда оговаривает себе временное или локальное исключение. Четвертые считают важным установить, каким способом мы устанавливаем факт этого мимолетного внутреннего решения. Одно дело интроспекция (и постериорный отчет о внутренней борьбе и ее итоге), другое — когда человек публично возвещает о перемене своего мнения. В этом, втором, случае важно знать, кто выступает адресатом сообщения и с какой целью оно делается. Действительно, оформляется ли перемена воли в языке или нет, сильно видоизменяет ситуацию. Наконец, некоторые исследователи осложняют анализ, привлекая другие факторы, например вводя различия в смыслах «блага», уточняя, идет ли речь о пользе, об удовольствии и т. д.

Рассмотрим пример, который несколько приблизит нас к сути споров вокруг безусловного пособия. Возьмем индивида, который точно знает, что *лучше* — не курить, и тем не менее курит. Можно предположить, что в момент, когда он берет сигарету, он думает (чувствует, полагает, говорит (себе)), что в данный момент *лучше* покурить, чем не покурить. Сравним два эти употребления «лучше». Означают ли они одно и то же? Что лучше не (или даже: никогда не) курить — здесь трудностей анализа не возникает: это расхожее убеждение, мантра здорового образа жизни, заботы о здоровье и долголетию себя и близких. Соответственно, идея, согласно которой в какой-то момент времени *t* лучше покурить, неизбежно несколько сложнее. Такой выбор может обнаружить бунт против общепринятого, само собой разумеющегося ответа обществу, которое подвергало и/или подвергает нас страданиям, а значит, должно пострадать в свою очередь; речь может идти и о героической, жертвенной позе, о меланхолическом *temento mori*. Как бы то ни было, речь в любом случае идет о ясном выражении свободы, о том, как она отвергает подчинение причинности, здравому смыслу и пользе.

Современное общество, если можно так выразиться, *деэтизирует* проблему акрасии, ежедневно принуждая нас к тысячам маленьких акратических поступков. Упомянем самое банальное — потребление. Многие из нас считают за благо ему сопротивляться (по крайней мере в его рекламно-компульсивной форме), но многие — осознанно или нет — ему поддаются. В целом все больше и чаще общество навязывает нам — по определению социально одобренные — модели поведения, многими членами общества, однако, отторгаемые. Независимость от этих моделей, не говоря о настоящем сопротивлении им, требует определенной субверсивной энергии и даже мужества.

К этому следует добавить, что сложность современной жизни умножила сами критерии блага, в результате чего «наилучший способ поведения» оказывается результатом сложнейшего выбора и изощренной эквилибристики между самыми разнообразными сортами блага: психическим, моральным, гедонистическим, эгоистическим, альтруистическим, прагматическим, экологическим, идентитарным, мультикультурным и т.д. без конца. Если по ходу дела мы меняем критерий и решаем на какое-то время преследовать другую цель и другое благо, можно ли считать это действие акратичным?

В ходе дискуссий о безусловном пособии обнаруживается, что его рассматривают не как простую дополнительную меру некоторого улучшения современной социоэкономической ситуации, но как способ выйти из *отношений найма*, а значит, из классического капитализма как такового. Выйти *куда*? В сферу незаинтересованного, а потому морального действия? Не будет ли это означать, что давление капиталистическое сменится грузом моральным?

В западных дискуссиях о пособии (например, в специальном номере журнала *Multitudes*⁶) сталкиваются друг с другом две логики: одна ставит во главу угла развитие человека, его расцвет и — наконец-то совершенно свободную — самореализацию; для другой важнее любой ценой предотвратить превращение человека в «самопредприятие» (*self-enterprise*). Эта вторая логика идет рука об руку с безусловным характером пособия. В частности, ставится цель всячески избегать той ситуации, когда бенефициар пособия предпринимает что-либо (например, приобретает новый навык) *для, ввиду, с целью* или даже *в горизонте*

6. Multitudes. Hiver 2007. № 27: Bioéconomie, biopolitique et biorevenu: questions ouvertes sur le revenu garanti / A. Corsani (ed.).

какого бы то ни было трудоустройства, профессионального роста, подъема по карьерной лестнице, ведь таким образом он лишь усугубляет изначальное рабство. Раз это делается *для* какой-то цели, значит, речь уже не может идти о свободной деятельности, и пособие теряет свой смысл. Раз это *для*, то доверие подорвано и договор нарушен. Но разве в самом императиве не предпринимать никаких целеполагающих действий не содержится — имплицитно или, точнее, *ex negativo* — условия, как раз и противоречащие заявленной безусловности?

Даром что данный человек реализовался, преуспел, достиг удовлетворения или даже счастья в рамках капиталистического общества — теоретики безусловного пособия объявляют все достигнутое недействительным (ведь оно наверняка зиждется на разделении, отчуждении, эксплуатации, неравенстве и пр.) и намерены вырвать человека из капиталистических отношений, чтобы повести его к уже подлинному раю⁷. Даром что человек стремится к своему социально обусловленному и ограниченному земному счастью (например, потому что считает, что другого нет и не будет), интеллектуалы толкают его к счастью метафизическому или, скорее, метасоциальному. Что мешает теоретикам пособия в самопредпринимательской модели — вполне понятно. Но какие иные формы автономия индивида способна принять, кроме тех, которые в принципе *могут* увеличить его профессиональную и человеческую квалификацию? Если же мы задаем самодеятельность человека только апофатически, через отрицание самонаименованной возможности капитализации, не рискуем ли мы превратить эту деятельность в непроницаемую и непостижимую вещь-в-себе? Ведь даже если представить здесь не какую-то деятельность или приобретение знаний и умений (это слишком чревато капитализацией!), а какие-то формы досуга, близкие к абсолютной *трате*, то и в них не должно быть ничего от *рекреации*, справедливо подозреваемой в подготовке рабочей силы к возвращению — о, ужас! — в производственный цикл.

Хотелось бы ошибиться, но представляется, что теоретики безусловного пособия, и Андре Горц прежде всего, остаются парадоксальными узниками системы, которую хотят разрушить.

7. Ср. с названием книги Андре Горца: Gorz A. Les chemins du paradis: l'agonie du capital. P.: Galilée, 1983. В английском переводе подзаголовок был характерно изменен: Paths to Paradise. On the Liberation from Work.

Они провозглашают безусловность, ставя при этом вполне определенное условие: практика или ментальность, в которые вписывается пособие, не должны иметь и намека на капиталистический характер. Его использование может быть каким угодно, только не капитализируемым, полезным, или товарным. Самореализация индивида должна осуществляться в пространстве абсолютно чистом (читай: утопическом, бесплотном, нереальном). Она никоим образом не должна быть уподобляема труду как полюсу бинома капитал/труд. Но поднимать эту идею на щит равносильно требованию перенестись во вневременно и внепространство, а конкретно — означает забыть, что труд (пусть и к сожалению) еще отнюдь не исчерпал своего освободительного потенциала. Он по-прежнему необходим — не только как средство выживания, но и как «поставщик смысла» для огромного большинства индивидов.

Конечно, на это нужно смотреть в исторической перспективе. Несомненно, что доля рабочего времени в общем календаре социальных времен стираются, границы между трудом и досугом сокращаются, инициатива все больше вытесняет простую исполнительность и т.п. Но было бы слишком оптимистичным полагать, что тенденция однозначно направлена в этом — желанном — направлении. Скорее, есть все признаки того, что развитие «цивилизации досуга» отнимает у (средне(статистического) человека те зачатки способности к самоопределению, которые он только-только начал обретать. Порождены ли депрессии, связанные с безработицей, лишь финансовой прекарностью? Конечно, нет. Безработица по-прежнему переживается индивидом как доказательство его бесполезности, несостоятельности, как симптом не только денежной, но и социальной и человеческой «неплатежеспособности». Безработные, которые вместе с *working poor* составляют прицельную аудиторию пособия, не могут не воспринимать его как лишь финансовое (а поэтому недостаточное) возмещение.

Что им делать с этим утешением? Напрасно законодатель объявит, что не ставит для получения пособия никаких условий, что специально и намеренно *не* интересуется тем, как индивид им распорядится, — последний не сможет не задуматься об этих условиях, и мы вслед за ним. Серьезная проблема, на наш взгляд, заключается в том, чего человеку хотеть начиная с того момента, когда он получает безусловное пособие, которое представляет собой совокупный социальный проект, предполагающий *ответственное* (в строгом смысле слова) поведение ин-

дивида. Безусловность здесь поэтому лишь кажущаяся: никто, и теоретики пособия меньше прочих, не может утверждать, что у него нет цели. Эта цель — глобальная, социальная, далекая, как ее ни формулируй, как «счастье для максимального большого числа людей» или «благополучие всех» — не может не отобразиться на индивидуальном уровне в виде счастья или телесного, психического благополучия индивида. Это *бытие* (счастливым) не может не отозваться в *делании* чего-либо. И очевидно, что только один тип действия предполагается в этой перспективе как желаемый, позитивный, конструктивный и т.п.

Но современный, или, скажем, постнищанский, человек часто склонен действовать против того общего проекта, который ему предлагают в качестве позитивного. Этот акрратический бунт части против целого, это имманентное свободе противоречие развернется и в случае введения пособия, поскольку оно задумано, чтобы сделать возможным свободное развитие всех. А раз речь идет о самой его основе, не будет абсурдным предположить, что эта свобода захочет осуществиться в действиях по природе своей акрратических: акт не может быть одновременно свободным и абсолютно позитивным (конструктивным, полезным, оптимальным и т.д.) всякий раз.

Для читателей Достоевского все это звучит как трюизм. Герой «Записок из подполья» признается:

Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: «А что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить?» Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен⁸.

Как и от персонажа, восставшего против диктатуры разума, от бенефициаров пособия можно ожидать, что глупая воля станет подзуживать их испытать границы условий новой диктатуры бесконечной свободы, которая будет им предложена.

В труде практически по определению содержится нечто принудительное. Но нужно ли нам обязательно быть поклонниками

8. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 469.

УЛИПО⁹, чтобы восхвалять благотворное воздействие «принуждения» (*contrainte*)? Можно ли чистосердечно отрицать подлинно антропогенную, антропопоизическую роль *упражнения*?¹⁰ Если медицина и психология труда сообщают нам о новых и меняющихся патологиях, обусловленных трудом, то не следует ли предусмотреть возможность появления определенных патологий, вызванных той самой свободой, которая исключает любые формы принуждения? Миленский и маленький современный стресс в преддверии отпуска и выходных, от которых *надо* урвать все, покажется детской забавой по сравнению с новыми фрустрациями, которые может таить в себе завтрашнее безусловное пособие. Некоторые теоретики апеллируют к «праву на счастье», забывая, что собираются давать его в обмен на последнее алиби за жизненную неудачу, ибо тот, кто окажется неспособным конвертировать пособие в счастье, станет уже полным и патентованным ничтожеством.

Вернемся к двум значениям слова «лучше». Моральный призыв «Лучше использовать пособие позитивно» предполагает своего акратического антипода «Лучше пожить по своей глупой воле», то есть «столкнуть благоразумие к черту» и растратить пособие бесполезно и негативно. Как и с курением, любой согласится, что первое «лучше» лучше, но вместе с тем второе — богаче, интереснее и куда полнее отвечает императиву повиноваться одной только свободе, предпочесть ее любой другой цели.

В конечном счете я боюсь, как бы пособие не оказалось испытанием, из которого большинство населения выйдет с аттестатом незрелости. Его введение не сможет стать плодотворным без долгого усилия по социальной педагогике, которое совершенно не входит в горизонт современных элит. Конечно, брюзжать по поводу такого красивого и щедрого социального проекта очень неловко. Я знаю, что *лучше* его поддержать, но акратический демон нашептывает, что бывает *еще лучше*.

9. Акроним от фр. *Ouvroir de littérature potentielle* («Цех потенциальной литературы») — группа интеллектуалов, литераторов и математиков (Реймон Кено, Итало Кальвино, Жорж Перек, Жак Рубо, Франсуа Ле Лионэ и многие другие), которые построили свою деятельность вокруг изучения существующих и создания новых формальных требований (*contraintes*) к художественному тексту, выявляя плодотворность ограничения и принуждения.

10. Его роль не так давно прослежена исторически и проанализирована теоретически в книге: Sloterdijk P. Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik. Suhrkamp, 2009. См. также мою рецензию: Маяцкий М. Европа и ее мыслительная мускулатура // Логос. 2012. № 4 (88). С. 109–120.

Литература

- Akrasia in Greek Philosophy // C. Bobonich, P. Destrée (eds). Leiden; Boston: Brill, 2007.
- Arguing for basic income: ethical foundations for a radical reform / Ph. Van Parijs (ed.). L.; N.Y.: Verso, 1992.
- BIEN Suisse. Le financement d'un revenu de base inconditionnel. Zurich: Seismo, 2010.
- Bresson Y. Le revenu d'existence ou la métamorphose de l'être social. P.: L'esprit frappeur, 2000.
- Ferry J.-M. L'allocation universelle: pour un revenu de citoyenneté. P.: Cerf, 1995.
- Gorz A. Les chemins du paradis: l'agonie du capital. P.: Galilée, 1983.
- Gorz A. Pourquoi la société salariale a besoin de nouveaux valets // Gorz A. Bâtir la civilisation du temps libre. P.: Les liens qui libèrent; Monde diplomatique, 2013.
- Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs // Strike! Magazine. 17.08.2013. Режим доступа: <http://strikemag.org/bullshit-jobs/>.
- Müller Ch., Straub D. Die Befreiung der Schweiz: über das bedingungslose Grundeinkommen. Zürich: Limmat, 2012.
- Multitudes. Hiver 2007. № 27: Bioéconomie, biopolitique et biorevenu: questions ouvertes sur le revenu garanti / A. Corsani (ed.).
- Raventós D. Basic income: the material conditions of freedom. L.; Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2007.
- Sloterdijk P. Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik. Suhrkamp, 2009.
- Van Parijs Ph. Peut-on justifier une allocation universelle? Une relecture de quelques théories de la justice économique // Futuribles. Juin 1990. № 144. P. 29–42.
- Vanderborcht Y., Van Parijs Ph. L'allocation universelle. P.: La Découverte, 2005.
- Vers un revenu inconditionnel? / A. Caillé (éd.). P.: La Découverte, 1996 (La revue du MAUSS. 1996. № 7).
- Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 469.
- Дрешер Й. и др. Идея освобождающего безусловного основного дохода. Киев: Центр А. В. С., 2007.
- Маяцкий М. Akrasia in Greek Philosophy // Логос. 2011. № 4 (83). С. 193–199.
- Маяцкий М. Европа и ее мыслительная мускулатура // Логос. 2012. № 4 (88). С. 109–120.

Liberation from Work, Unconditional Income and Foolish Will

Michail Maiatsky. PhD in Philosophy, Research Fellow at the University of Lausanne and the School of Philosophy of the Faculty of Humanities of the National Research University—Higher School of Economics.

Address: 21/4 Staraya Basmanaya Str., 105066 Moscow, Russia.
E-mail: mmaiatsky@gmail.com.

Keywords: akrasia; unconditional existential income; unemployment; labor/work; free activity.

The article approaches the issue of the Unconditional Basic Income) from the

point of view of the phenomenon of *akrasia* (or *incontinentia* in the Latin translation). Since at least the time of the Sophists, akrasia has attracted great attention from moral thinkers. We are dealing with an akratic behaviour when one knows of the fact that one particular action is preferable in a certain situation, and nevertheless one undertakes the opposite (or simply an alternative) action. Since antiquity, this situation has changed; e. g. the *good* is now understood in a greater variety of ways. In this article, the author tries to question the socio-psychologically. How would a beneficiary conceive of

this particular form of income? How would (s)he interpret the expectations of society in compensation for it?

There are two essential theoretical versions of the: 1) something *positive* and *constructive* will be explicitly expected; 2) *nothing* will be expected, and the *unconditional* character will be stressed: the is neither a reward, nor an advance payment for future work or for readiness to accept any work. In the first

case, the temptation of an akratic reaction will be great. In the second case, there is one condition that makes the whole thing look like a utopia—that is, the condition that your activity should not be based on the expectation or goal of a salary (André Gorz). The author supposes that for millions of people, work is still a “source of meaning.” An abrupt transition from “work” to “activity” could result simply in a confirmation of their immaturity.

References

- BIEN Suisse. *Le financement d'un revenu de base inconditionnel*, Zurich, Seismo, 2010.
- Bobonich C., Destrée P., eds. *Akrasia in Greek Philosophy*, Leiden, Boston, Brill, 2007.
- Bresson Y. *Le revenu d'existence ou la métamorphose de l'être social*, Paris, L'esprit frappeur, 2000.
- Dostoyevsky F. M. Zapiski iz Mertvogo doma [Notes from the Dead House]. *Sobr. soch.: V 15 t. T. 4* [Collected Works: In 15 vols. Vol. 4], Leningrad, Nauka, 1989.
- Drescher J., et al. *Ideia osvobodzhdaushchego bezuslovnogo osnovnogo dokhoda* [Die Idee eines Emanzipatorischen Bedingungslosen Grundeinkommens], Kiev, Tsentr A. B.C., 2007.
- Ferry J.-M. *L'allocation universelle: pour un revenu de citoyenneté*, Paris, Cerf, 1995.
- Ferry J.-M. *Vers un revenu inconditionnel?* Paris, La Découverte, 1996.
- Gorz A. *Les chemins du paradis: l'agonie du capital*, Paris, Galilée, 1983.
- Gorz A. Pourquoi la société salariale a besoin de nouveaux valets. *Bâtir la civilisation du temps libre*, Paris, Les liens qui libèrent, Monde diplomatique, 2013.
- Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs. *Strike! Magazine*, August 17, 2013. Available at: <http://strike-mag.org/bullshit-jobs/>.
- Maiatsky M. Akrasia in Greek Philosophy. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2011, no. 4 (83), pp. 193–199.
- Maiatsky M. Evropa i ee myslitel'naia muskulatura [Europe and Its Intellectual Musculature]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2012, no. 4 (88), pp. 109–120.
- Müller Ch., Straub D. *Die Befreiung der Schweiz: über das bedingungslose Grundeinkommen*, Zürich, Limmat, 2012.
- Multitudes*, Hiver 2007, no. 27: “Bioéconomie, biopolitique et biorevenu: questions ouvertes sur le revenu garanti” (ed. A. Corsani).
- Raventós D. *Basic Income: the Material Conditions of Freedom*, London, Ann Arbor, MI, Pluto Press, 2007.
- Sloterdijk P. *Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2009.
- Van Parijs Ph., ed. *Arguing for Basic Income: Ethical Foundations for a Radical Reform*, London, New York, Verso, 1992.
- Van Parijs Ph. Peut-on justifier une allocation universelle? Une relecture de quelques théories de la justice économique. *Futuribles*, Juin 1990, no. 144, pp. 29–42.
- Vanderborght Y., Van Parijs Ph. *L'allocation universelle*, Paris, La Découverte, 2005.